

Розалия Степанчук

Послание потомкам

Розалия Степанчук

Послание потомкам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40488241

ISBN 9785449082176

Аннотация

Книга о детстве и юности автора, которые пришлись на военные и послевоенные годы. В сборник также вошли «Размышления о старости». Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Эвакуация	11
Черногорск	13
Переезд	18
Боровичи	22
Новая жизнь	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Послание потомкам

Розалия Степанчук

Дорогие мои дети, внуки и правнуки! Все, кто захочет прочитать эти строки. Это моё послание к вам о моём военном детстве и послевоенной юности, о наших с вами родных и близких, о тех, кто жил рядом со мной и до меня и вынес на своих плечах все тяготы дней, отпущенных им Богом. Эти люди – ваши корни и корни последующих поколений. Вам и вашим потомкам передали они стойкость и мужество, которые и вам, возможно, пригодятся в будущем, учитывая современную ситуацию в мире.

© Розалия Степанчук, 2019

ISBN 978-5-4490-8217-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мои родители – Михайлов Николай Иванович и Иванова Анна Андреевна поженились в мае 1941 года в г. Старая Русса Новгородской области.

Жениться в мае – плохая примета: будешь всю жизнь маяться. Но, молодость нетерпелива, и не желает верить ни в какие приметы. Отцу было 25, а маме 20, они поженились, свадьба была скромной, ведь оба они – выходцы из большой

семьи – у мамы было 4 брата, у папы – сестра и 2 брата.

А через месяц началась война. Она разметала обе семьи, и разлучила навсегда моих родителей. Уходя на фронт, отец знал, что мама ждёт ребёнка, но не очень беспокоился, т.к. в то время все были уверены, что война ненадолго, не дольше финской, и скоро кончится. Папа говорил: «Ты пережди войну со своей матерью, я вернусь и тебя найду». Его мобилизовали осенью 1941 г, а в марте 1943 г он погиб во время авианалёта на станцию Касторная под Курском. С 1941 по 1943 г мои родители не имели никакой связи и ничего не знали о судьбе друг друга.

Папа находился в зоне непрерывных боёв, а маму в 1942 году эвакуировали, она в то время и сама не знала, куда попадёт. Папа так и не узнал, кто у него родился. И мы с ним друг друга так и не увидели. А было ему на ту пору, только 27 лет, как сейчас моему внуку Диме.

К февралю 1942г Старая Русса дважды переходила – от наших солдат к немцам. Во время оккупации жители скрывались в лесу. За это время бабушкин дом разбомбили, и они, Ивановы, нашли пустой дом на окраине города. Когда в город вошли наши войска, большую часть дома заняли под медсанбат.

Тяжёлые бои на подступах к Старой Руссе продолжались, город часто бомбили. Вот, там-то я и родилась: худая, как скелет, носатая и белобрысая, да и откуда было взяться здоровому младенцу, когда мама почти всю беременность постоянно находилась в стрессовой ситуации, ела – что придётся, и пряталась от бомбёжки и перестрелки. Роды принимал

молодой военврач. Здесь и жила мама со своими родными до самой эвакуации. Кроме меня в семье был ещё младенец – сын маминого старшего брата Саши, ушедшего на фронт, – Володя, а с ним и его мать, тоже Аня. Володе было 10 месяцев. У бабушки на руках оказались две молодые и неопытные матери, с младенцами и сын Виктор, мой дядя. Ему тогда только что исполнилось 12 лет.

Бабушка моя на тот период уже хлебнула лиха полной мерой. Она родилась 1 апреля 1895 года в крестьянской многодетной семье и была самой старшей из детей. Она пережила революцию – в 1917 году ей было 22 года, и она уже была замужем. Затем разруху, гражданскую войну, коллективизацию, а как только она с детьми переехала из деревни к мужу, Иванову Андрею Степановичу, в Кронштадт, то вскоре оказалась женой «врага народа» и была выслана с пятью детьми в голую Казахстанскую степь. Из них одна дочь и четверо парнишек. Старшему, Саше -16 лет, маме моей – 14, Лёше – 11, Пете 9, Вите – 5 лет. Те ещё едоки! А она проучилась в школе полгода, жила в деревне, а значит, ни образования, ни профессии. А в Казахстане – ни пособий, ни пенсии, ни зарплаты. Она уходила из обжитого дома в Кронштадте навсегда, оставляя налаженный быт, почти всё своё имущество, родных и знакомых, не ведая о судьбе мужа, о своём будущем и будущем своих детей. Живи, как знаешь, и – никакой поддержки. И сколько ещё раз ей придётся пройти через это!

Но она выстояла, сохранила всех детей, не сломалась, не впадала в уныние или, как теперь говорят, в депрессию. Она работала, не покладая рук, и старшие дети ей помогали. Когда её выслали из Кронштадта, ей разрешили взять из дома только то, что она сможет унести в руках. У неё хватило мудрости взять перину, одеяло и швейную ручную машинку «Зингер». Это спасло всем им жизнь. Пока они добивались до места, дети спали все вместе на этой перине. А машинка «Зингер» кормила их: бабушка шила казашкам их национальную одежду за продукты. Более подробно этот период жизни описан в маминной книге «Воспоминание о прожитой жизни». Перед войной бабушка перебралась с детьми в Старую Руссу, небольшой курортный город в Новгородской области.

Жизнь стала налаживаться. Женился старший сын Саша, подросли Лёша и Петя, вышла замуж дочка, Витя стал подростком. И вот она, война, и вся беда ещё впереди. В на-

чале войны погибли двое её сыновей – самый старший, Саша и пятнадцатилетний Петя. Алексей ушёл на фронт добровольцем вместе с регулярными войсками, освободившими Старую Руссу. Прямо после реабилитации и освобождения из лагеря, был мобилизован и погиб её муж, мой дедушка. Он так и не повидал ни своей жены, ни детей, ни внучат...

Эвакуация

Старую Руссу удержать не удалось, и мирное население начали эвакуировать. Поехала в эвакуацию и моя бабушка со своим голодным табором. Ехали незнамо куда... На пути к эшелону колонну машин обстреляли пулемётом из самолёта. Многие тогда погибли, мы остались живы. Посадили нас в вагон для перевозки скота: ни купе, ни плацкарта, ни вообще каких-нибудь скамеек, расположились на полу и чемоданах. Вагон переполнен беженцами.

Была зима. При закрытых дверях в вагоне была духота, воздух проникал только через щели, свет тоже. На остановках двери широко раздвигались, холодный воздух волной накрывал пассажиров, и не было от него спасения. Как следствие, начались болезни, и смерть ежедневно собирала скорбную дань. Не стоит говорить, что в вагоне вместе с взрослыми, ехало много детей разного возраста, они хотели пить, есть и в туалет, которого тоже в вагоне не было, они должны были сутками сидеть без движения вместе с родителями, а путь был долгим, и не видно было ему конца.

Правда и дети военного времени были совсем не похожи на современных ребятишек, они молча сидели вместе с родителями, слушали разговоры взрослых, и проникались их настроением и чувством постоянной тревоги и страхом перед неизвестным будущим. С младенцами ещё сложнее: на-

до где-то пеленать, пелёнки стирать и сушить. Хорошо, что у мамы хватало молока, но где было брать еду и для неё и для всей семьи. Одним словом, душегубка. Заболели и у бабушки сын Витя и внуки. Володенька умер от воспаления лёгких, вся спинка у него почернела. У меня стало сводить ноги, Витя тоже захирел. Высадили их в Перми в эвакопункт. Володю отдали похоронить. Его мать, Аня, ушла от бабушки. Аня была шофёром и решила поехать на фронт, она наивно надеялась отыскать там своего мужа Сашу. Больше о ней никогда не слышали.

Черногорск

В эвакуопункте мои дорогие отогрелись, помылись, подлечились, но долго там никого не задерживали; маховик войны неудержимо раскручивался и таких, как они было очень много. Дали им направление в Хакассию в город Черногорск, Красноярского края. Им было всё равно куда ехать, лишь бы подальше от войны. Они надеялись, что страхи и беды для них кончатся, но не тут-то было. Снова тяжёлая и нескончаемая дорога в перегруженном вагоне, более чем скудное питание, проблемы с питьём и туалетом, стирка пелёнок в лужах возле кранов с кипятком на коротких остановках, и сушка их на себе, младенец – дни и ночи на руках, ни искупать, ни даже просто подмыть. Не раздеться, не разуться, не вытянуть ноги, чтобы поспать, и нечем дышать в вагоне. Но была надежда, что вот уже совсем скоро снова наступит мирная жизнь в далёком от войны городе. Надежды их не сбылись. Перед ними явился город, чёрный от шахт и угольной пыли, низкие серые тучи, холодный ветер.

Они попали в новый круг ада после Казахстана. Приехали на станцию, нас никто не встретил. Бабушка ушла узнать, когда будет попутка до пункта назначения. Мама со мной на руках и Витя остались с вещами. Голодные, измученные дорогой, они прилегли на скамейку возле вещей и не заметили, как уснули. Когда пришла бабушка, она увидела их спя-

щами, а вещи исчезли, украли всё. Осталось только то, что было под ними, и на них. У мамы не осталось даже сменных пелёнок для меня. И все фото мамы с папой украли вместе с чемоданами. Осталось только маленькое фото. Могу себе представить, что они в этот момент пережили. Мама, конечно, расплакалась, а бабушка только сжала губы – ничего нельзя было исправить, надо было жить дальше.

Воистину, нет предела терпению русского человека. Попутка должна была пойти только завтра, и они решили пойти в баню, так как за долгую дорогу до Хакасии не только помыться, но и умыться было негде. В бане они, наконец, искупали меня, смыли с себя дорожную грязь и постирали пелёнки горячей водой. Переодеться им было не во что, но настроение всё равно улучшилось: да Бог с ними, с вещами, главное, что мы живы и все вместе. Бабушка теряла всё – не в первый раз. Выйдя из бани, они обнаружили, что уже вечер, и надо было где-то переночевать. Но к кому бы они ни стучались, их никто не пустил.

Долго бродили они по улицам и уже отчаялись найти себе кров для ночлега. Была ранняя весна, они замёрзли. И тут к ним подошла женщина и сказала:» Идёмте ко мне, переночуете. Правда, я живу бедно». Никогда не переведутся милосердные люди. Мама вспоминала эту женщину всю жизнь. В Черногорске, наконец-то, зарегистрировали факт моего рождения, и записали как уроженку Черногорска, города, чуждого мне, по сути. Отчётливо помню себя лет с двух,

а отдельные моменты и раньше. Сохранилось фото конца 1943 года, мне около двух лет.

На мне капор и пальтишко, сшитое бабушкой, а бант из шарфика и заяц в руках – это реквизит фотографа. Помню, какую истерику я закатила, когда зайца стали забирать. Ведь у меня до этого не было ни одной игрушки, да и где их было взять. Зайца у меня всё-таки отобрали, и я долго не могла успокоиться. Я думаю, что и мама при этой сцене заплакала.

Мама устроилась на фарфоровый завод, Витя пошёл в школу, бабушка со мной и по хозяйству. Нормы были так малы, что могли только поддержать в нас жизнь на грани. Те, кто жил там до войны, имели какие-то запасы, хоть небольшие огороды... У нас не было ничего. Я часто думаю: где они брали силы, чтобы пережить то, что они пережили? Их спасало и то, что они крепко держались друг за друга, беда их не разобщила. Им всегда было о ком заботиться, забывая собственные интересы, не тратя силы на жалость к себе, в тяжёлые времена.

Поселили нас в избу с одной большой комнатой. Хозяйка, многодетная мать, поделила эту комнату мешками с картошкой. И мы с её детьми прокапывали в мешке дырочки и грызли эту картошку сырую и грязную: голод не тётка. Пока взрослые не заметили и не пресекли наше пиратство.

Сколько себя помню, всегда хотелось есть. Так и продолжали мы наш тяжкий труд бытия, каждый по-своему. Летом на каникулах, Витя сидел со мной, а бабушка бралась за лю-

бую работу, чтобы не умереть с голода. Мы жили в палатке на берегу канала с очень крутыми берегами.

Однажды, Виктор не углядел за мной, он тогда много читал, всё, что попадалось в руки. А я ушла бродить, играть-то было нечем. Я подошла близко к краю и свалилась в канал, но не утонула, инстинкт самосохранения сработал и я, отчаянно барахтаясь, выбралась на узкую полосу у воды. Я начала карабкаться по крутому склону наверх, цепляясь за траву, но она обрывалась, и я снова соскальзывала вниз, и всё молча. Я и сейчас отчётливо вижу эту траву – «пастушью сумку». Тут меня хватился Виктор, нашёл и вытащил меня, отнёс в палатку, бросил на кровать, и накрыл с головой нашим старым байковым одеялом. Я не заплакала, только притаилась, характер мой уже тогда проявлялся. А был тогда 1944 год, Вите не было ещё 15 лет, но он хорошо понимал, что я чудом не погибла.

Переезд

Начался учебный год и Витя пошёл в школу, а меня отдали в ясли, рассчитывая на лучшее питание. Но я недолго там пробыла, заболела, потом ясли закрылись на карантин. Но маме разрешили получать суп на вынос, детскую норму. Пока Витя был в школе, я сидела дома одна. Мама принесла мне с работы фарфорового грача, просто болванку с дыркой внизу и совершенно белого. Но я была рада и ему. Еду из садика мама приносила в кружечке и давала мне съесть половину. «А это на вечер», – говорила она, забирая у меня заветную кружечку. «А когда будет вечер?» – спрашивала я, не успев утолить голод. Не знаю, успевала ли сама-то мама поесть в обед. Рабочий день тогда был 12-ти часовой и без выходных, и в обед отпускали с территории завода неохотно.

За то время, пока мы жили в эвакуации, мама переболела малярией, брюшным тифом и воспалением лёгких. У неё почти всё время был конъюнктивит – гнойные шишки на веках. Витя совсем ослаб, не мог учиться. Бабушка поняла, что нам всем придёт конец, если мы там останемся. Зимой 1945 года мама прочитала объявление, что в город Боровичи Новгородской обл. набирают рабочих в подсобное хозяйство с предоставлением жилья. Слово «жильё» после войны было волшебным. Бабушка все важные решения принимала сама, она решила ехать. А было ей в то время 50 лет. Она была ин-

валидом 2 группы по сердцу, а ноги у неё были в таких толстых синих венах и узлах, что страшно было смотреть. Медкомиссию она не прошла, её не брали на работу. Но она пришла на приём к директору совхоза, рассказала о своей семье и её взяли с испытательным сроком. Она так работала, что стала передовиком, её всем ставили в пример, и директор, по её просьбе, оформил для мамы вызов на работу, благодаря которому мама смогла вырваться с каторги под названием Черногорск. В те времена это было очень непросто – людей везде не хватало.

Но, прежде чем мы оттуда уехали, нам пришлось пережить весеннее наводнение, во время которого мы едва не погибли. В те времена экзамены были со 2-го по 10 классы и по всем предметам. У Вити, как раз и начинались экзамены, но кругом – море разливанное, вода поднялась на метр, лодки у нас не было, и маме пришлось воспользоваться подобием плота, посадить на него Витю, и по грудь в ледяной воде тащить его в школу. Меня оставили дома одну на ледяной печке. Было очень холодно и тихо, только вода по полу журчит. Со мной только слепой и холодный грач, а мне только недавно исполнилось 3 года.

Я легла на живот, и стала смотреть на доски в полу, которые тихо плавали и шевелились в журчащей воде. Видимо я задремала. И тут бы свалиться мне вниз и утонуть, но Боженька и на этот раз не допустил моей гибели. Я очнулась и отползла от края к стенке. Мамочка моя опять заболела,

губы её были в болячках, она надрывно кашляла, её трясло, она не могла согреться. Зато Витя перешёл в следующий класс. И тут пришёл вызов из Боровичей. Вода схлынула, оставив непролазную грязь. Но солнце и ветер землю обсушили, а вскоре и маму с работы отпустили. Мама с Витей чувствовали себя окрылёнными, снова появилась надежда, уже в который раз! Мама получила расчёт и мы, собрав нехитрые пожитки, поехали в Боровичи.

Дороги в ту пору могли убить и более крепких людей, что уж говорить о нас. Эту дорогу я помню хорошо. Вагоны тёмные внутри и снаружи, окна не закрываются, туалет загажен. Ехали несколько суток, сидя на вещах. В общие вагоны набивалось столько людей, что ступить было некуда, тогда плацкарта и в помине не было. На станциях бегали за кипятком те, у кого был чайник. Если чайника не было, соседи делились. Заварки тоже не было. Если было немного сахара, то пили «вприглядку», нам с Витей по малюсенькому кусочку, а мама – как придётся. Есть тоже нечего. Всё, что мама брала с собой, отоварив карточку, было давно съедено, практичной и предприимчивой бабушки рядом с нами не было, надеяться было не на кого. Осталось только немного засохшего хлеба, его и грызли, размачивая в кипятке.

У мамы было немного денег, и при станциях был буфет, но там всегда обитал длинный и злобный хвост измученных дорогой, голодных и раздражённых людей. А поезда, как правило, шли без расписания. Иногда приходилось ждать

поезда сутками. Остановки могли быть короткими, а иногда и по несколько часов, т.к. в первую очередь пропускали воинские эшелоны: война ещё продолжалась, несмотря на заключение мира. Ехали эшелоны на фронт в страны соц. лагеря, а с фронта эшелоны с ранеными. Ехали домой и демобилизованные счастливицы, которые остались живы и для которых война закончилась. Ехали весело, с гармошкой, никого не смущало, что едут они в вагонах для перевозки скота. На остановках выскакивали, наяривали на гармошке, пели частушки и плясали, до упаду.

А мама плакала. Это, всё была молодёжь, а те, кто ушёл на фронт в начале войны, никто не вернулся, за редким исключением – в основном, калеки. Мама плакала, осознавая своё вдовство, глядя на них, а я утирала ей слёзы и спрашивала: «Мама, там мой папа?» Я уже знала, что мой папа на фронте, но не знала, что он уже погиб, и я теперь сирота, к счастью, наполовину. Эшелон уходил, и мы снова ехали, и конца этому тяжкому пути не было! Изнурительны были и пересадки. Нам казалось, что дорога никогда не закончится, и мы никогда не доедем. И силы и терпение иссякли у всех нас.

Боровичи

Ну, наконец-то! Измученные, голодные, но счастливые, что все мучения позади, мы прибыли в Боровичи. Оттуда не так уж далеко и до Старой Руссы, где осталось предвоенное счастье моих дорогих страдальцев. Наша энергичная бабушка договорилась с конюхом и нас привезли домой на подводе, у нас ведь снова скопились кое-какие пожитки. А ждали нас хоромы в бывших конюшнях монастыря. Место это так и называлось «Конный двор». Это место нельзя назвать даже коммунальной квартирой. Помню длинный тёмный коридор, который освещался только когда открывали дверь на берег реки Мсты. С весны до осени дверь была всегда распахнута, а зимой прикрыта, и тогда все мы оказывались в темноте, даже керосиновой лампой в тех условиях пользоваться было нельзя, поэтому спать ложились рано.

«Комнаты» – бывшие стойла для лошадей. Стенка каждого стойла была вместо ширмы в средний рост человека, так что при желании, всегда можно было заглянуть к соседу, и в каждом стойле – семья. Как пчёлы в ульях. Вместо дверей занавески из того, что у кого было, а некоторые обходились и без «дверей».

Вот такое жильё обещали вербовщики, когда набирали людей на работу. Но все были рады и такому жилью, выбирать не приходилось. Не помню, где все жители этого гетто

варили еду, где стирали, чем освещали своё убогое жилище? Точно помню, что электричества там не было. Ну, летом – на улице, а зимой? При -25?

Можно представить, какая была слышимость в этом цыганском таборе. Кроме меня там были ещё ребяташки, и когда удавалось хоть немножко поесть, мы носились по коридору, а летом на «улице». Делить нам было нечего, ни у кого не было игрушек и других атрибутов детства и мы просто бегали и орали, пока кто-нибудь из родителей не давал нам подзатыльник. С нами особо не церемонились. И стали мы жить в этом стойле, но все были счастливы, что снова вместе, на нас не падают бомбы, что плохо не только нам, и что в Черногорске было намного хуже. Бабушка взялась лечить маму и вылечила, но проблема с глазами была у мамы ещё много лет. Бабуленька нас ждала, достала где-то чехлы от матраса, набила сухой травой, поставила ящик вместо стола.

Спали все вместе, покатом, но так даже теплее зимой и все были довольны. Немного окрепнув, мама устроилась на работу в бухгалтерию подсобного хозяйства завода «Красный керамик». Ведь у неё было 7 классов образования. По тем временам это было как сейчас – высшее образование. У многих начальников того времени бывало и по 3 – 4 класса школы. Она работала сначала счетоводом. Быстро освоила эту работу и через пару лет её перевели на должность бухгалтера.

Новая жизнь

Монастырь с конным двором стоял прямо на берегу реки Мсты. В этом месте берег был очень крутой, река быстрая и глубокая. По этой реке сплавляли лес – толстые брёвна. Иногда эти брёвна сбивались в затор. На другом берегу – градообразующее предприятие, кирпичный завод «Красный керамик». К нему через реку был проложен временный мост из брёвен, который назывался «запань». Ходить по нему было неудобно и опасно, но никто не привередничал. Для тех, кто работал на заводе, а жил на нашей стороне, этот путь был во много раз короче. Был и другой мост, настоящий, но он был далеко от нас. Мама и бабушка работали на нашей стороне реки и запанью не пользовались.

Витя осенью пошёл в школу, а благодаря бабушке, свежему воздуху, купанию в реке и солнышку, он к осени окреп и смог учиться дальше. А меня попытались отдать в детский сад.

Помню свою воспитательницу, Евдокию Васильевну. Добрая была женщина, но даже ей не удалось приручить меня. В Черногорске я совершенно одичала, слишком часто оставалась наедине с собой, и виделась только со своими близкими. Когда мама приводила меня в садик, я орала и цеплялась за неё, а когда она, расстроенная, уходила на работу, я долго не могла успокоиться. Каждый день сильнейший стресс.

Да и что там меня могло заинтересовать? За время войны там не было ремонта, не покупались игрушки и т. д. Всё пришло в упадок. Участок не оборудован.

Помню большое суковатое дерево, на нём мы и «висели», как обезьянки. В группе тоже почти ничего. Бумаги для рисования и в школе-то не было. Приносили из дома, кто что мог – обёртки, старые газеты. Мне мама приносила узкие обрезки бумаги от документации. Да и рисовать-то было нечем: от карандашей остались одни огрызки, да и те надо было хорошенько поплюнуть, чтобы было видно рисунок.

Дети рисовали войну, самолёты, танки. Они об этом знали только по картинкам из газет – война – взрывы и бомбёжки –

обошла Боровичи стороной. Новгород и Старую Руссу разбомбили, а Боровичи нет. Но нищета и дефицит здесь были в полной мере. Поэтому мама, не смотря на мои бурные протесты, продолжала водить меня в садик, пока я не заболела. В общем, мучились со мною, мучились, да и забрали из садика.

Бабушка ушла с работы, и стала я жить под бабушкиным неусыпным оком. Но такая уж я была шустрая, что и бабушка не углядела. Было мне тогда четыре с половиной года. Как-то спустилась я с крутого бережка, пошла по запани, потом перепрыгнула на брёвна сплава и начала по ним прыгать – с одного на другое. Тут бы мне оступиться и уйти под топяк и сгинуть, да опять меня Боженька спас. Кто-то увидел меня с берега, сказал маме. Она примчалась на берег и замерла: и кричать боялась, чтобы не напугать меня грядущим наказанием, и стало ей плохо от такого зрелища. Тут я оглянулась, и увидела на высоком берегу маму. И помчалась тем же манером обратно на запань и благополучно залезла на берег. Ну, тут уж мне воздали по заслугам.

Бабушка, как исконно русская и сильная личность, прошедшая не один круг ада, не выбирала выражений и за словом в карман не лезла. Она мне сообщила, что я мытарка, антихристка окаянная, подлянка чёртова и т. д. А если я, по её мнению лезла не в своё дело, она называла меня «подскок пиздяной». Вот так, коротко и ясно. Но я на это не особо обращала внимания, пропускала мимо ушей – лишь бы

не били, но кроме ругани драли меня беспощадно. Это бабушкино влияние, но она других методов и не знала, и её так воспитывали и она так же, у неё было 4 парня как тут обойтись без порки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.